

Батурина Ирина Владимировна

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА ЛЬВА ШЕСТОВА

В данной работе дан анализ философии творчества Л. Шестова, впервые показана ее сложность и метафизическая глубина, которая в главном устремлена к высшей свободе, обращенной к Богу. По Шестову, для приближения к вере и для самого помысла о Боге человек уже должен обладать великим творческим дерзновением, вырывающим его из оков разума и необходимости, из оков "мира сего". В статье показано, что как это ни парадоксально выглядит, но главной преградой на пути к подлинному творчеству, по Шестову, является сам человеческий разум - искусственный конструктивизм, обслуживающий обыденные цели выживания человека, а не вопрошающий взгляд в глубины мироздания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 35-38. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)+140.8

Философские науки

В данной работе дан анализ философии творчества Л. Шестова, впервые показана ее сложность и метафизическая глубина, которая в главном устремлена к высшей свободе, обращенной к Богу. По Шестову, для приближения к вере и для самого помысла о Боге человек уже должен обладать великим творческим дерзновением, вырывающим его из оков разума и необходимости, из оков «мира сего». В статье показано, что как это ни парадоксально выглядит, но главной преградой на пути к подлинному творчеству, по Шестову, является сам человеческий разум – искусственный конструктивизм, обслуживающий обыденные цели выживания человека, а не вопрошающий взгляд в глубины мироздания.

Ключевые слова и фразы: творчество; вера; разум; Абсолют; необходимость; этика; свобода; страдание; религия; философия.

Батурина Ирина Владимировна, к. филос. н.

Московский технологический институт

BaturinVK@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА ЛЬВА ШЕСТОВА

Лев Шестов (Лев Исаакович Шварцман) – личность весьма своеобразная в истории русской философии. Он неповторим и по стилю своего письма, и по характеру философских размышлений. Следует прислушаться к мысли В. В. Зеньковского о том, что Шестов является в традиции русской философии одним из немногих религиозных мыслителей по существу, а не в силу умозрительных построений. Зеньковский утверждал близость Шестова по духу к школе русской философии Духовных Академий, хотя исторически никаких подобностей корневой творчестве Шестова не имеет [1, с. 736]. Сам характер философии Шестова, особенность его языка, тяготение к парадоксам и афоризмам проникнуты лишь одним – живой верой в Бога; исходя из этого, стоя как бы «на другом берегу» сознания, полностью отличным от профанного бытия, Шестов пытается строить свою философскую мысль. Зеньковский особо подчеркивает, что Шестову необходима была именно религиозная философия, а не «профессорские штудии», как иногда выражался он сам: «[Шестов] не был настолько философ, чтобы уйти в чистую мысль, но вместе с тем он был слишком философ, чтобы уйти целиком в область веры. Иначе говоря, ему была нужна религиозная философия, то есть философия, исходящая из веры и Откровения: недаром его последняя и лучшая книга “Афины и Иерусалим” носит подзаголовок: “Опыт религиозной философии”» [2, с. 171]. Однако своих личных религиозных взглядов Шестов никогда напрямую не касался, по мнению Зеньковского, храня в этой области должное целомудрие.

Шестов считал, что «задача философии – научить нас жить в неизвестности... философия стремится *прорваться* сквозь логические цепи умозаключений» [3, с. 41]. Для Шестова основными врагами и преградами на пути восхождения к вере были всегда именно логические законы разума и рационально обоснованные этические принципы. Весь пафос работ Шестова – от ранних (например, от книги о Шекспире) до самых поздних («Афины и Иерусалим») – направлен на то, чтобы показать саму обусловленность, принципиальную ограниченность и в конечном итоге несостоятельность человеческого разума как такового: «Бытие окружено вечной тайной...» [5, с. 200]; «Мы и не подозреваем, что творится во Вселенной» [Там же, с. 145]. Вглядываясь в сущность человеческого разума, Шестов в нем видит, прежде всего, искусственный конструктивизм, обслуживающий обыденные цели выживания, а не вопрошающий взгляд в глубины мироздания. Отсюда и принципиальное недоверие Шестова к науке, которая, по его мысли, вовсе не схватывает подлинной действительности, а ищет факты лишь для того, чтобы строить теории: «Наука не изображает, а *творит* истину» [6, с. 52].

Еще более злой враг человека, по Шестову, – рационально-этические принципы: если разум конструирует закономерности и необходимые для выживания истины, то этический рационализм, по Шестову, есть сознательное, волевое желание человека остаться лишь в границах мира сего, где именно он будет определять, что есть добро и что есть зло, что возможно, а чего принципиально не должно быть: «Нравственность и наука – родные сестры...» [3, с. 22], «нас пугает всякое творческое *fiat*... мы добиваемся господства “знания” над жизнью» [6, с. 157, 158]. Главное, чего Шестов не приемлет ни в разуме, ни в этике, – это антропоцентризм, под которым он понимал существование человека только в рамках человеческого; такое существование означало для философа исключительно рабское начало, подчиненное принципам якобы универсальной необходимости. Для Шестова, именно как для религиозного мыслителя, чисто человеческое означает принципиальную лишённость творческого начала, свободы, невозможность выхода за пределы самого себя. Основная неправда разума, по Шестову, состоит именно в том, что в нем человек стремится не к творческому озарению и не к свободе, а выдвигает на первый план тупиковую остановку – остановку на низменном и необходимом. В силу этого подлинное бытие ускользает из нашего сознания – ведь человек в таком случае стремится никогда не заглядывать в глубины самого себя и истоки своей мысли. Шестов всегда подчеркивал, что он не может принять автономию разума, т.к. эта автономия есть на самом деле тирания: «Ум ведет к необходимости, вера ведет к свободе» [4, с. 524]. Чтобы приблизиться к истинной реальности, надо приблизиться к подлинному бытию, а подлинное бытие Шестов понимал исключительно и однозначно: это для него живой, личный Бог. Шестов, как человек верующий, утверждает и примат веры над всей остальной активностью человека –

вера меняет и сознание, и бытие, и мироотношение, которое исходит из того, что «Бог есть живое, всесовершеннейшее Существо, создавшее и благословившее человека» [7, с. 11]. Из противопоставления веры и обыденного («нормального») сознания для Шестова рождается острое чувство антитезы свободы и любви в Боге, для которой возможно все, и необходимости, окружающей человека как тварь дрожащую. Именно поэтому Шестов так ненавидел «нормальный» разум, отвергающий свободу, зовущий только к необходимости.

Любовь Шестова к высшей свободе, обращенной к Богу, теснейшим образом связывается у него и с темой творчества: «Нужно дерзновение, чтобы говорить о настоящем Боге, который и в Св. Писании, и в Символе Веры называется Творцом неба и земли» [5, с. 260]. Следует подчеркнуть, что, по Шестову, для приближения к вере и для самого помысла о Боге человек уже должен обладать великим творческим дерзованием, вырывающим его из оков разума и необходимости; философ всегда отмечал, что всякая попытка рационализации веры, которую так жаждали осуществить в Средние века, уже есть предательство духа веры и замена его буквой богословия. По Шестову, сама вера зовет человека на свой суд, она есть невозможное явление в мире тварной необходимости, и потому мыслитель утверждает, что «вера есть непостижимая *творческая сила*, великий, даже величайший, ни с чем не сравнимый дар Божий», и только одинокое безумие человека может именовать ее низшим видом познания [4, с. 359]. Проследившая глубинную связь веры и творчества, Шестов отмечает, что только в царстве невозможного, а не необходимого, т.е. только в царстве духа, а не во внешнем мире важно и значимо творческое как исключительное, единичное, неповторяющееся, непонятное, личное, в противовес универсально принуждающему всех и вся закону. Более того, для Шестова истина вообще всегда в «случайном», как несводимом к известному и знакомому: «Основная черта жизни есть дерзновение, вся жизнь есть творческое дерзновение и потому вечная, несводимая к готовому и понятному мистерия» [6, с. 158].

Итак, подытоживая главное содержание философии творчества Шестова, можно передать ее дух одной им самим произнесенной фразой – библейским изречением, гласящим, что мудрость человеческая есть безумие перед Господом. Творчество, как и любую другую тему, Шестов не отделял от своей религиозной философии, однако следует отметить особую глубинную связь философии творчества и религиозного сознания у мыслителя: обе эти сферы открывают человеку невозможное, непостижимое, выходящее за грани чистого разума, являются стремлением к абсолютной свободе, раскрывающей истинную значимость и неповторимость личности. Даже сам феномен жизни человека Шестов именует непредсказуемым, принципиально иррациональным, а значит, творческим явлением, а религиозную веру как таковую мыслитель называет величайшим творческим дерзованием, причем дарованным человеку самим Богом. Нераздельность творчества и религиозного опыта влечет за собой отсутствие романтического трагизма в сфере творчества у Шестова: творчество у него является абсолютным благом в силу своей теоцентричности. Оно не продуцируется только самим человеком, а представляет феномен проникновения в сферы сакральной свободы и истины, поскольку, как и вера, является высшим даром Божиим.

Шестов никогда не настаивал на чистой парадоксальности своей философии, на игре ради игры, ведущей к агностицизму; ему было более всего важно взломать привычные рамки сознания, или признанное всеми торжество «эллинского духа», ради того, чтобы открылись уши людские для Откровения. Вообще следует отметить: философия Шестова нельзя пересказать и уж тем более превратить в некую концепцию; он – мыслитель экзистенциальный, имеющий своей целью взломать обыденное и привычное, показать новые возможности и горизонты, хоть как-то философски осмыслить страдание – лучшее, по Шестову, «средство», изымающее человека из мира сего. От первой своей работы до последней Шестов неоднократно подчеркивал «страшную власть чистого разума» [Там же, с. 51, 355], ибо очень редко душе удается проснуться от его самоочевидности. Но в том-то и суть, что, если это удастся, для человека открывается сфера творчества как благодать веры и свободы, когда возможно все и когда предельную ценность обретает личная живая душа. Для Шестова пространство творчества начинается там, где нет места успокоенности и самоочевидным истинам: «Мы боимся хаоса... до такой степени идея *порядка* срослась с нашим душевным строем. Но хаос есть не ограниченная возможность, а возможность неограниченная» [Там же, с. 215]. В этом контексте творчество для Шестова есть прыжок в разрушающий обыденные рамки сознания хаос как источник не безумия «мудрости» людской, а Духа и Откровения. Его философия и мировоззрение «уже стоит как бы на другом берегу сознания», и недаром сам Шестов неоднократно подчеркивал, что единственное и лучшее средство, изымающее человека из мира сего, есть страдание, и недаром право посылать его принадлежит только Богу. Вообще же, по Шестову, неприкаянность, бездомность человека в мире, хаос его бытия гораздо более его возвышают и приближают к вере, чем самый блистательный рационализм и научно-философский порядок.

Вообще для Шестова гносеологическая проблематика – определяющая для всех его исследований. Находясь в целом в русле русской религиозной философии, он исходит из того, что сами истоки человеческого сознания именно этим сознанием и не познаются, т.е. лежат за его пределами; непознаваемое как раз и составляет основу высшего знания, т.е. не синтезирующего, а творческого и ценностного. Важным элементом такой гносеологии становится обретение такой истины, которая абсолютна и в которой нет и не может быть расщепления на ценностное, рассудочное, чувственное, телесное и духовное. Шестов подчеркивал, что только в религиозной вере достигается единство знания, воли, чувствования и, наконец, самой жизни, только религиозная вера дает человеку хотя бы отблеск его идеального, т.е. неразрушенного, состояния. И, напротив, рационализм есть усеченный подход к гносеологии, так как разум не обращается к собственным началам и не знает их, а начала эти непостижимы, нерасщепимы и таинственным образом связаны с первоосновой самого бытия. Нынешнее научное мировоззрение есть унификация случая и попытка подвести непостижимое

под ограниченные законы разума, бесконечное постигнуть конечным и внешне обусловленным через чувственный опыт, который на самом деле только затеняет бытие. Рационализм – это фикция, желание человека останавливаться на собственном знании; отвлеченное рациональное познание по сути есть эгоистический антропоцентризм, замкнутость и сосредоточенность человека на своей природе, принципиальный отказ от чувствования тайны бытия. Господствующее рациональное миропонимание упускает тонкое и неповторимое, а именно индивидуальность, свободу, творчество; аналитика и рацио абсолютно беспомощны перед лицом трагедии человеческой жизни и ее финалом – смертью...

На самом же деле в каждый момент своей жизни человек таинственно пребывает в Промысле Божиим и движется его силой и благодатью, однако даже зачатки ощущения этой высшей силы присущи далеко не каждому человеку. Но главная черта человеческого сознания, если смотреть на него цельно, из глубины, есть притязание на безусловность. Наше сознание никогда не довольствуется беспричинным и относительным, оно ищет первоисточков, некоей непреходящей основы всего. Основная задача гносеологии – попытка в глубине сознания открыть таинственную связь с целым, т.е. осуществить выход за пределы греховной самости, так как только внутри преображенного сознания человек может «держать собор со всеми». Без Абсолюта как первоисточника вообще невозможно никакое познание, но сам Абсолют совершенно непостижим. Ни философия, ни религия не может и не должна искать рациональных и зримых своих обоснований; истинное познание возможно в сближении религии, философии и мифологического мировоззрения, поскольку в основе этих феноменов человеческой жизни лежит таинственная встреча и символическое переплетение мира имманентного и трансцендентного. Секуляризация сознания, которая привела к рационализму и даже к позитивизму, есть величайшая трагедия человечества, еще сильнее укрепившая его во грехе и оторвавшая от Истины, в которой нет и не может быть различия между ценностью, знанием, жизнью, волей, формой...

Как уже нами отмечалось, В. В. Зеньковский особенно обращал внимание к личности и творчеству Л. И. Шестова, поскольку только его он считал по духу истинно религиозным человеком и мыслителем. И в «Истории русской философии», и в статье, посвященной его памяти, Зеньковский отмечает, что все творчество Шестова проникнуто неподдельным напряжением и искренностью и одновременно заключает в себе какую-то драму, тайна которой остается как бы «за рамками» и по существу своему не разгадана. Основной пафос философии Шестова сосредоточен в страстной потребности освободиться от «тирании разума», взорвать традиционную мышления в том смысле, чтобы уйти от всемогущего стремления к систематизации и завершенности. Зеньковский отмечал, что Шестов был великолепным историком философии, знал ее от античности до своих времен, мог очень живо полемизировать с любым из философов различных направлений и школ, никогда не отвергая краугольных вопросов философии, но всегда разрушая окончательность и однозначность ответов на них. Сам такой стиль мышления и творчества Шестова, по мысли Зеньковского, глубинно определяется его духовными поисками и религиозными устремлениями, хотя своих личных религиозных взглядов Шестов никогда напрямую не касался, по мнению Зеньковского, храня в этой области должное целомудрие.

При этом из самого бунтарского духа творений Шестова проступает сложная неоднозначность его религиозного мира. От пронизательного понимания Зеньковского не укрылось, что в душе Шестова как бы переплетаются две культуры, две традиции: иудейская и христианская. С одной стороны, он говорит об исключительной трансцендентности Бога, который не допускает никакого иного отношения, кроме закона и послушания; с другой стороны, его внутренний мир питался смыслами Божественного Откровения и учением о воплощенном и действующем в мире Логосе. Именно поэтому Шестов с такой настойчивостью пытался создать религиозную по духу, а не по букве философию, то есть исходящую не из рациональных последовательностей, а из невозможного, о котором учит вера.

Зеньковский красной нитью проводит мысль, что само творчество Шестова имеет совершенно особый характер и являлось для него подлинной крестной мукой человека, искавшего не диалектических стройных систем, а области Абсолютной Истины и Абсолютного Добра, где возможно совершенно непостижимое и даже, по человеческим меркам, несправедливое. Шестов никогда не ставил перед собой задачи построения каких-либо мыслительных схем в религиозной области; он не пускал вдохновение в пространство Веры и Откровения. В этом была его жизненная драма, но одновременно и та самая религиозность, дух которой сразу уловил Зеньковский. Подобная духовная зрелость рождает и определенный, очень мучительный, вид творчества как попытку схватить Невозможное и Истинное, отказавшись от культурно-условного, человеческого, инструментария. Только иноприродное человеку начало – вера – ведет к свободе и к творчеству, поэтому сама вера и есть творчество, что самое главное, величайший дар Божий. Всякое бытие Шестов рассматривает как уникальную драму земного и надмирного начал, как мистерию, несводимую ни к чему готовому. И всегда блистательно будет звучать знаменитый библейский афоризм, которому Шестов дал глубинное толкование в своей философии творчества: «Мудрость человеческая – безумие перед Господом».

Список литературы

1. **Зеньковский В. В.** История русской философии. М., 2001. 880 с.
2. **Зеньковский В. В.** Памяти Л. И. Шестова // Зеньковский В. В. Собрание сочинений: в 4-х т. М., 2008. Т. 1. С. 169-175.
3. **Шестов Л.** Апофеоз беспочвенности. М., 2011. 228 с.
4. **Шестов Л.** Афины и Иерусалим // Шестов Л. Сочинения: в 2-х т. М., 1993. Т. 1. С. 317-557.
5. **Шестов Л.** Власть ключей // Шестов Л. Сочинения: в 2-х т. М., 1993. Т. 1. С. 17-317.
6. **Шестов Л.** На весах Иова // Шестов Л. Сочинения: в 2-х т. М., 1993. Т. 2. С. 5-505.
7. **Шестов Л.** Памяти великого философа Эдмунда Гуссерля // Русские записки. 1939. № XIII. С. 5-32.

LEV SHESTOV'S PHILOSOPHY OF CREATIVITY

Baturina Irina Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy
Moscow Technological Institute
BaturinVK@yandex.ru

This paper provides an analysis of philosophy of creativity developed by L. Shestov, for the first time shows its complexity and metaphysical depth, which in the main aspect is oriented towards the highest freedom facing the God. According to Shestov, to get closer to faith and the very thoughts of the God, a man must already have great creative boldness capable of snatching him/her from the fetters of mind and necessity, from the fetters of "this world". The article shows that, despite the paradox, the main obstacle on the path to true creativity, according to Shestov, is human mind itself – artificial constructivism serving ordinary human survival goals rather than an inquiring look into depths of the universe.

Key words and phrases: creativity; faith; mind; Absolute; necessity; ethics; freedom; suffering; religion; philosophy.

УДК 930.2:35.077.1

Исторические науки и археология

В статье проведен источниковедческий анализ документов Пермского государственного архива новейшей истории за 1930-1940-е гг., необходимых для изучения деятельности внештатных инструкторов, функционировавших при местных парткомах. Рассмотрены разновидности делопроизводственной документации на предмет научной ценности и надежности источников, их репрезентативности и перспективности использования для изучения проблематики правящих групп советского общества.

Ключевые слова и фразы: внештатный инструктор; номенклатура партийного комитета; архивные документы; горком ВКП(б); номенклатурное дело.

Белоногов Юрий Геннадьевич, к. полит. н.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
ugb78@mail.ru

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ФОНДОВ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ В ИЗУЧЕНИИ ИНСТИТУТА ВНЕШТАТНЫХ ИНСТРУКТОРОВ ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(Б) 1930-1940-Х ГГ.

Институт внештатных инструкторов при аппарате местных (в меньшей степени – и региональных) партийных комитетов является еще слабо изученной должностной группой ответственных работников. Формально ими являлись коммунисты, выполнявшие некоторые функции партийного аппарата (в основном по сбору информационных сведений и проверке исполнения указаний парткома) в свободное от своей основной работы время на безвозмездной основе в порядке «партийной нагрузки». Осознанная потребность в данной категории работников фиксируется документами партийных органов от Центрального Комитета ВКП(б) до региональных парткомов. Деятельность внештатных инструкторов при партийных комитетах напрямую не регулировалась советским трудовым правом: с «внештатными активистами» не заключались индивидуальные трудовые договоры и трудовые соглашения. Однако значимость данного института в изучаемое время определялась его возможностями вертикальной социальной мобильности: внештатные инструкторы обоснованно могли рассчитывать на продолжение своей карьеры на руководящих должностях штатного партийного аппарата или в организациях иной ведомственной принадлежности в качестве «платы» за оказываемое содействие. Не менее важным обстоятельством следует считать и наличие у внештатных инструкторов «частички» номенклатурного иммунитета, предполагавшего для его субъектов определенные властные преференции.

В качестве объекта исследования задействованы делопроизводственные материалы, хранящиеся в Пермском государственном архиве новейшей истории (далее – ПермГАНИ) в фондах городских и районных партийных комитетов. Именно в местных парткомах быстро растущих промышленных центров оказался в наибольшей степени востребован институт внештатных инструкторов для усиления партийного влияния на модернизационные процессы. С точки зрения источниковедческого анализа выбор в пользу архивных материалов объясняется тем, что изучение делопроизводственной документации парткомов (в отличие от мемуарной литературы, официальных партийных документов, периодической печати) показывает изнутри работу партийной бюрократической машины, частично содержит засекреченную от современников информацию.

Целью статьи является краткий источниковедческий анализ имеющихся делопроизводственных документов на предмет определения их видового состава, критики научной ценности и надежности для исследователя, репрезентативности и перспективности использования. В этом отношении статья продолжает существующую в современном источниковедении традицию изучения кадровой политики в советский период истории